

Экран и камера. — 1991. — 24 янв. (№ 4). — с. 16.

ВСЕ ПУСКАЕТСЯ В ПОЛЕТ

Детский писатель Хармс любил придумывать детям казни. Больше всего ему нравилось напускать на них столбняк. Взрослый писатель Хармс равнодушен к старухам. Бывало встанет на улице и смотрит, как они от чрезмерного любопытства из окон вываливаются. Одна за другой. Одна за другой. Поэтому, когда одна старушка пришла к нему в дом умирать по старости и из вредности — чтобы не давать ему возможности ни писать, ни жениться, ни просто жить спокойно, — поклонники его таланта ничуть не удивились этому. А целая их группа, собранная на «Мосфильме» при творческом объединении «Старт», решила даже показать, как все это происходило.

Режиссер фильма «СТАРУХА-РМСА» Вадим Гемс поясняет смысл своего детища так: «В нем нет никакого смысла. Есть импровизация, мистификация, трансформация людей, предметов, самой истории. Есть игра в игре. И нет никаких психологических раскладок».

Кому-кому а автору таких строк, как: «Вот и дом полетел. Вот и собака полетела. Вот и сон полетел. Вот и мать полетела. Вот и сад полетел...» и т. д. — такой подход к его повести «Старуха» пришелся бы по душе. Он писал в 37-м: «Меня интересует только «чушь», только то, что не имеет никакого практического смысла.

Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении».

Чего-чего, а такого здесь, на съемочной площадке, хватает. Самого режиссера в свободном полете бросает то в жар, то в холод. Если съемки на натуре — так в ледяном болоте. Если квартира Героя — так прямо на печке котельной, где температура близка к той, что у чертей на своворудне. Дышать нечем, не то что играть или снимать. А актеры — ничего. Терпят. Артист театра «Эрмитаж» Евгений Герчаков, играющий саму старуху, говорит, что Гемс — совершенно отвязный режиссер и потому с ним интересно работать. И вообще все вокруг — его сподвижники: «Скажет режиссер прыгнуть в огонь, никто не задумается». Герчаков ничуть не преувеличивает. Его, упакованного в чемодан, уже в ледяную воду бросали. Да и огонь, можно сказать, они все ногами полирают.

Вообще актерам достается от режиссера изрядно. Сергей Максачев (он играет нудного типа, двойника Хармса) готовится к прыжку. Ему надо занинуть ногу на шею своего хозяина. При этом вид у него такой: грязная ночнушка, мужские подштанники, а на голове «шляпка» (как любовно называет Гемс предмет, скрученный из проводочков). Так вот это чуело готовится к прыжку. Вдруг на него сверху льют холодную воду тонкой струйкой из чайного носика. Антер взвизгивает: «Зачем?!» Режиссер поясняет: «Это для

состояния». Мне лично нудного типа ничуть не жалко. Он ногу не только на Хармса поднял. Пришла я на съемки, ищу режиссера, а он мне говорит: «Режиссер — это я».

Самого Хармса играет Юрий Михельсон — профессиональный фотограф. Антер волею случая. Пришел на съемки фильма фотографом, ушел — артистом. Владимир Ильин в последний момент от Хармса отказался, и пришлось Михельсону заглянуть в камеру с другой стороны.

Актрис в картине чемного — одна. Евдокия Германова. Всех остальных женщин: соседку, сиделку, даже роженницу в роддоме играют мужчины.

Пока Герчаков и Михельсон выясняют, у кого из них роль главнее, у кого — заглавнее, режиссер поясняет мне, что самая главная тут — камера. Хармсовский глаз. Его режиссер доверил оператору Сергею Тараскину.

Картина обойдется студии недорого. Художник-постановщик Леван Лазишвили почти весь реквизит по помойкам собирал.

«Конструктивистский» сценарий Евгения Козловского, по мнению режиссера, почувствовать можно, понять нельзя: «Я сам многого в нем не понимаю». Гемс даже предполагает, что его никто, кроме работников типографии, не читал.

Если вы подумали, что снимается комедия, то ошиблись. Гемс говорит, что это

скорее сродни пионерскому черному юмору (картина, истати, черно-белая). Что-то вроде тех страшилок, что дети рассказывают друг другу по ночам. «Картина страшная. А комбинации в ней должны быть смешные. Что-то похоее на конструкции Жана Тэнгли. Провода, колесики крутятся-вертятся, вдруг где-то что-то зацепилось, высканивает перчатка и бьет по голове. И ты смеешься, сам не понимая, чему».

Идут съемки. По сюжету, чуть ли не Христос должен появиться, вдруг в кадр заходят тетеньки в рабочих калатах, подирчивают краны (котельная — сложный механизмы, тут постоянный присмотр нужен). Режиссеру такое проявление котельной жизни в кадре — только в кайф. Они все тут, похоее, ради удовольствия и собрались: «Ради чего все это делается — не могу сказать. Мне хорошо. Актерам тоже». А потом вдруг неожиданно серьезно добавляет: «Идет война, людей убивают. А у нас тут мертвая старуха куролесит...»

Хармс написал «Старуху» в 39-м. Ему тоже тогда было над чем задуматься. А он летал. Но тем, наверное, и ценна свобода, что на ее часах нет стрелок.

М. АРИНИНА.

- Хармс — Юрий Михельсон.
  - Девица — Евдокия Германова.
- Фото Ю. Михельсона.

